

Будь в безопасности, любовь моя, подумала Кейтилин, желая, чтобы он хоть как-то услышал ее молитвы. Но она сомневалась, что он может быть в безопасности; несомненно, новости о том, что она взяла Беса, к тому времени уже достигли Королевской Гавани, и это будет иметь последствия для ее мужа. Она даже могла представить, как Нед смотрит на нее с бранью.

"Он пытался убить нашего сына", - прошептала Кейтилин в сторону водопада, как будто Нед был там, как будто он мог ее услышать. Но какая-то часть ее души все еще пыталась убедить себя в этом; она была так уверена, когда забирала его. Слова Петира звучали в ее голове, но рядом с ними были слова карлика, доказывавшего свою невиновность.

"Только дурак вооружит обычного лакея его собственным клинком", - прошипел этот уродливый человечек, и Кейтилин на мгновение почувствовала нерешительность, в которую не успела вникнуть до того, как напали клановцы. Бес был слишком умен наполовину, подумала она про себя, достаточно умен, чтобы понять, что есть смысл пытаться выкрутиться из сложной ситуации.

Но достаточно ли он умен, чтобы не вооружить убийцу его собственным клинком?

Кейтилин вздрогнула и отпустила занавеску, вернулась в комнату и потерла руки, пытаясь унять озноб. Тот же слуга, который принес еду, зажег достаточно свечей, чтобы в комнате не было слишком темно, даже при закрытых тяжелых портьерах. И Кейтилин не была уверена, что ее озноб был полностью обусловлен температурой в комнате.

Достаточно умна, чтобы понять, что ты поняла по дороге сюда? спросила она себя, прежде чем отогнать эту мысль. Бес знал ее не более чем бегло; он не мог знать, что обычно она не брезгует видом крови, что опорожнение желудка при виде раны сира Родрика было для нее аномалией, а не привычкой. Родрик был слишком ранен, чтобы сомневаться в ее поведении; им пришлось привязать его к лошади, чтобы он не свалился, и некоторое время она отчаялась, что они вообще не доберутся до Эйри.

Когда они увидели последний отряд всадников, направлявшийся в их сторону, Кейтилин была близка к отчаянию. Они потеряли шесть человек на Высокой дороге из-за нападения клановцев; она сомневалась, что они смогут выдержать еще одно нападение. Я не могу умереть, отчаянно думала она про себя. Не сейчас, не тогда, когда на кону уже не только моя собственная жизнь.

Но до Кровавых ворот их провожал только сир Доннел Вейнвуд со своими людьми, и Кейтилин испытала такое облегчение при виде лунно-соколиных знамен, что чуть не прослезилась. Пришлось потрудиться, чтобы сдержать слезы; она не могла быть истеричкой, когда ей и так приходилось оправдываться за необдуманные поступки. Она подумала, что может разрыдаться снова, когда услышала, как дядя назвал ее "маленькая Кэт" знакомым, успокаивающим голосом, который напомнил ей о Риверране, о безопасности, о детстве. О времени до заговоров Ланнистеров, ее сына-калеки и шести мертвецов на Высокой дороге. Ей хотелось броситься в его объятия, как тогда, когда она была девочкой. "У меня будет ребенок", - хотела она сказать ему, хотела увидеть его торжествующую ухмылку и услышать его поздравления по поводу ее удачи.

Но удача ли это? Она спрашивала себя полсотни раз с тех пор, как поняла, что пропустила свою лунную кровь больше чем на неделю, а потом и на две недели. Она знала, сколько младенцев теряется в первые несколько лун при самых благоприятных обстоятельствах, а путешествие через горные перевалы с кровожадным импом, которого на каждом шагу преследуют злобные сородичи, было не самым лучшим из обстоятельств. Каждый раз, когда она останавливалась, чтобы приготовить воду, она ожидала увидеть кровь - ее лунную кровь, которая запоздала, или ее тело, говорящее ей, что сейчас неподходящее время для вынашивания ребенка, изгоняющее младенца из ее тела, прежде чем он успел по-настоящему укорениться. Она боялась, что почувствует боль от потери ребенка, о существовании которого только что узнала, но все, что она ощущала, - это слабую, накатывающую тошноту, которая никогда не становилась настолько сильной, чтобы ей стало плохо, пока она не увидела всю эту кровь. Вот тогда она была уверена.

Поэтому она ничего не рассказала дяде о ребенке, вместо этого поведав ему об обстоятельствах, которые привели ее к их двери. Он терпеливо слушал, пока они ехали к Вратам Луны, и довольно долго молча ехал рядом, вникая во все детали.

"Твоему отцу нужно рассказать, - рассуждал он в конце концов. "Если Ланнистеры пойдут в поход, Винтерфелл будет далеко, а Долина закрыта стенами за горами, но Риверран лежит прямо на их пути".

"У меня были такие же опасения", - призналась ему Кейтилин. "Я попрошу мастера Колемона прислать птицу, когда мы достигнем Эйри". Это был не единственный ворон, которого она хотела послать; Нед велел ей приказать людям севера подготовить оборону, и необходимость в этом казалась острее, чем когда-либо. И тогда она подумала о другом вороне, которого не могла послать, но отчаянно хотела: Нед должен был первым узнать об этом ребенке, шестом, которого он подбросил ей в утробу. Но она боялась, что такое письмо не будет хорошо принято в столице, пока дело с Бесом не будет завершено, тем или иным способом. Она не могла просить Неда отпраздновать вместе с ней на одном дыхании и простить ей ее опрометчивость на другом, особенно когда она была почти уверена, что письмо попадет в чужие руки раньше, чем доберется до Неда. Петир и евнух узнают все его содержание задолго до того, как Нед увидит свиток; в этом она была уверена.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/114426/4424455>